

Научная статья

УДК 94(5)

EDN OIWDUC

DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(4).332-344

Демографическое развитие малых народов Северо-Восточного Китая на рубеже XX–XXI вв.

И.В. Ставров

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока Дальневосточного отделения
Российской академии наук,
г. Владивосток, Российская
Федерация

Дата поступления:

28.06.2024

Дата принятия к печати:

13.12.2024

Дата онлайн-размещения:

21.12.2024

Аннотация. Северо-Восточный Китай (СВК) представляет собой приграничный с Россией регион, в котором компактно проживают тунгусо-маньчжурские народы, корейцы и элосыцзу-русские, в связи с чем исследование различных социальных вопросов среди этих национальностей представляет интерес для сравнительных исследований. В настоящей работе проведен анализ тенденций демографического развития малых народов СВК, показано воздействие мер демографической политики на воспроизводство населения и ее роли в сохранении малочисленных национальностей. Демографическое развитие северо-восточного региона за период от основания КНР претерпело существенные изменения. До начала 1980-х гг. на характер воспроизводства неханьцев оказывало сильное воздействие государственная национальная политика, что нашло отражение в аномальных результатах переписей населения с 1953 по 1982 (и даже 1990 гг.), когда были зарегистрированы флуктуации от значимого сокращения числа неханьцев, до столь же резкого их увеличения. С началом эпохи реформ (после декабря 1978 г.) в стране стал осуществляться жесткий курс на однодетность, однако в отношении национальных меньшинств были введены определенные преференции в этом вопросе, которые предоставлялись региональными правительствами. Власти провинций СВК допускали возможность рождения вторых и третьих детей в семьях неханьцев, особенно для малочисленных народов. Тем не менее, изменившиеся социально-экономические условия в стране, рост урбанизации, развитие сопутствующей социальной сферы (здравоохранения, системы социального обеспечения), привело к снижению темпов роста неханьского населения, а некоторые из них (в первую очередь корейцы) перешли в стадию депопуляции. Коэффициенты рождаемости демонстрируют завершение демографического перехода от режима расширенного воспроизводства к суженному среди всех народов КНР, что свидетельствует о малой эффективности преференций. Отмена курса на однодетность в 2013 г. фактически никак не повлияла на демографическое развитие китайского общества и фактически отменила политику преференций в отношении неханьцев.

Ключевые слова. Северо-Восточный Китай, демографическая политика, неханьские национальности, тунгусо-маньчжуры, эвенки, корейцы, русские-элосыцзу.

科学文章

20-21世纪之交东北少数民族的人口发展

I.V. Stavrov俄罗斯科学院远东分院历史考古
和民族学研究所,

符拉迪沃斯托克, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2024年28月06日

出版日期: 2024年12月13日

网上出版日期: 2024年12月21日

摘要: 中国东北地区与俄罗斯接壤, 是通古斯-满族、朝鲜族和俄罗斯族聚居的地区, 因此对这些民族的各种社会问题进行研究具有比较研究的意义。本文分析了东北地区各少数民族的人口发展趋势, 展示了人口政策措施对人口再生产的影响及其在保护少数民族方面的作用。建国以来, 东北地区非汉族人口发展发生了重大变化。直到 20 世纪 80 年代初, 非汉族人口的生育模式一直受到国家民族政策的强烈影响, 从 1953 年到 1982 年 (甚至 1990 年) 的人口普查结果来看, 非汉族人口数量出现了从大幅减少到同样大幅增加的反常波动。随着改革时代的开始 (1978年12月以后), 国家开始执行严格的计划生育政策, 但在这方面, 地方政府对少数民族实行了某些优惠。东北各省当局允许非汉族家庭, 尤其是少数民族家庭生育第二个和第三个孩子。然而, 国家社会经济条件的变化、城市化的发展以及与随之而来的社会领域 (医疗保健、社会保障体系) 的发展导致非汉族人口增长率下降, 其中一些非汉族人口 (主要是朝鲜族) 已进入人口减少阶段。生育率显示, 中华人民共和国各民族已完成了从扩大再生产到缩小再生产的人口转变, 这表明优惠政策已经失效。2013 年取消独生子女政策对中国社会的人口发展几乎没有影响, 实际上取消了对非汉族人的优惠政策。

关键词: 中国东北, 人口政策, 非汉族, 通古斯满族, 鄂温克族, 朝鲜族, 俄罗斯族。

Original article

Demographic Development of Ethnic Minorities of Northeast China at the Turn of the 20th – 21st Centuries

I.V. StavrovInstitute of History, Archaeology
and Ethnology of the Peoples
of the Far-East, Far-Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russian Federation

Received: 2024 June 28

Accepted: 2024 December 13

Available online: 2024 December 21

Abstract. Northeast China is a region bordering Russia, in which the Tunguso-Manchurian peoples, Koreans and Eluo-sizu-Russians live compactly, and therefore the study of various social issues among these nationalities is of interest for comparative studies. In this paper, an analysis of trends in the demographic development of small-numbered peoples of the Northeast China is carried out, the impact of demographic policy measures on population reproduction and its role in the preservation of small-numbered nationalities is shown. The demographic development of non-Han people in the northeastern region has undergone significant changes since the founding of the People's Republic of China. Until the early 1980s, there production of non-Han Chinese was strongly influenced by state national policy, which was reflected in the abnormal results of the population censuses from 1953 to 1982 (and even 1990), when fluctuations were recorded from a significant decrease in the number of non-Han Chinese to an equally sharp increase. With the beginning of the reform era (after December 1978), a strict single-child policy began to be implemented in the country, but certain preferences were introduced in relation to national minorities in this matter, which were provided by regional governments. The authorities of the provinces of the Central Asian Republic allowed the possibility of the birth of second and third child in non-Han families, especially for small-numbered peoples. Nevertheless, the changed socio-economic conditions in

the country, the growth of urbanization, as well as the development of the related social sphere (health care, social security system), the growth rate of the non-Han population has significantly decreased, and some of them (primarily Koreans) have entered the depopulation stage. Fertility rates demonstrate the completion of the demographic transition from an expanded to a narrowed reproduction regime among all peoples of the People's Republic of China, which indicates the low effectiveness of preferences. Cancellation of the single-child policy in 2013 in fact did not affect the demographic development of Chinese society in any way and actually cancel the policy of preferences for non-Han Chinese.

Keywords. Northeast China, demographic policy, non-Han nationalities, Tunguso-Manchus, Evenks, Koreans, Russians-*Eluosizu*.

Введение

Маньчжурия, или, как сейчас принято называть этот регион, — Северо-Восточный Китай (Дунбэй, далее — СВК), стал частью Поднебесной в эпоху империи Цин (1644–1912 гг.), когда маньчжуры покорили минский Китай. Для отечественного исследователя эта территория интересна тем, что здесь проживают народы тунгусо-маньчжурской группы, некоторые из которых расселены на пространствах Сибири и Дальнего Востока (эвенки, орочоны, хэчжэ-нанайцы) или родственные им маньчжуры и сибо. В регионе компактно расселены корейцы, монголы и элосыцу-русские, изучение которых имеет свои параллели и в России. Многие из исследуемых здесь народов относятся к малочисленным и в отношении этих групп китайское государство осуществляет меры демографического регулирования, направленные на стабилизацию их численности.

Демографическое развитие малых народов региона освещалось в отечественной и зарубежной историографии. Обзор научной литературы по теме был опубликован А.С. Веремейчиком [1], поэтому здесь будут в основном упомянуты работы, дополняющие указанный анализ. С.Б. Макеева посвятила серию статей истории и текущему положению в области народонаселения в провинциях Хэйлуцзян и Ляонин [2–4]. С.Н. Мишук и ее китайские соавторы анализировали трансформацию демографической политики в Дунбэе на современном этапе [5], уделив несколько строк демографии неханьцев региона. В данных исследованиях вопросы демографического развития неханьцев в СВК не изучались. Тенденции демографического развития этнических меньшинств провинции Цзилинь предпринял А.Д. Дикарёв, рассмотревший на-

циональный состав и динамику его изменения до 1990 г. [6, с. 145–148]. А.С. Веремейчик — первый отечественный исследователь, изучавший региональные положения о планировании семьи и ограничении рождаемости в Дунбэе, в том числе отмечавший специфику регулирования рождаемости среди неханьцев СВК [7].

В западной литературе демографические проблемы развития КНР поднимаются регулярно, однако проблемам народонаселения неханьцев уделяется мало внимания. Наиболее глубокий обзор политики рождаемости в отношении национальных меньшинств Дунбэя предпринял Т. Шарпинг [8], приводя в своем обзоре примеры из региональной демографической политики северо-восточных провинций. Им был подготовлен перевод многих документов, посвященных истории планирования рождаемости в КНР на национальном и региональном уровнях¹. Исследования Ч.Д. Пака о демографическом поведении корейцев КНР показало, что уже в середине 1980-х гг. данная этническая группа имела наименьшие показатели прироста населения среди всех национальных меньшинств [9, p.162].

В китайской историографии малые народы Северо-Востока чаще всего становятся объектом анализа либо в специальных историко-этнографических очерках, посвященных тому или иному этносу², либо в масштабных исследованиях изменений демографического поведения в качестве частного примера [10; 11]. Среди неханьцев Северо-Востока чаще всего изучает-

¹ Документы по истории политики планирования семьи опубликованы в выпусках журнала «Chinese Sociology & Anthropology» за 2000, vol. 32, is. 3-4. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/mcsa19/32/3>.

² 鄂温克族自治旗概况. 北京: 民族出版社, 2008. 230 页. [Эвенкийский автономный хошун: очерк. Пекин: Изд-во этнологической лит., 2008. 230 с.]

ся демографическое поведение корейцев, так как еще в 1980-е гг. они демонстрировали аномально низкие для КНР темпы роста населения [12; 13]. В последнее время стали появляться сравнительные исследования демографической ситуации среди национальностей российско-китайского приграничья [14]. Таким образом, в современной историографии тенденции протекания демографических процессов среди неханьцев северо-восточного региона КНР рассмотрены недостаточно. В настоящей работе проведен анализ тенденций демографического развития малых народов СВК, показано воздействие мер демографической политики на воспроизводство населения и ее роли в сохранении малочисленных национальностей.

В настоящей статье регион будет рассматриваться несколько шире его текущих административных границ (провинции Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин), так как часть тунгусо-маньчжуров, а также русские компактно проживают на крайнем северо-востоке Внутренней Монголии (городской округ Хулун-Буир³) и в провинции Хэбэй, относящейся к Северному Китаю⁴.

Этнический состав населения и динамика его численности в регионе

На территории современного СВК традиционно проживают тунгусо-маньчжурские и монгольские народы (собственно монголы и дауры), с XVIII в. на восток Дунбэя стали переселяться корейцы⁵, а с рубежа XIX–XX вв. на территории Трехречья (Хулун-Буир, Внутренняя Монголия) начала оформляться русская община. Главным образом после 1949 г. (образование КНР) в регион переселялись представители прочих неханьских групп, в том числе относительно малочисленных⁶. В настоящей статье я рассматри-

³ В состав Хулун-Буирского городского округа (呼伦贝尔) входят Ороchonский автономный хошун (鄂伦春自治旗), Эвенкийский автономный хошун (鄂温克族自治旗), Эньхэ-Русская национальная волость (恩和俄罗斯族民族乡) Аргунского городского уезда (额尔古纳).

⁴ Здесь расположены четыре маньчжурских (один маньчжуро-монгольский) автономных уездов: Цинлун-Маньчжурский (青龙满族自治县), Фэннин-Маньчжурский (丰宁满族自治县), Куаньчэн-Маньчжурский (宽城满族自治县) и Вэйчан-Маньчжуро-Монгольский (围场满族蒙古族自治县) автономные уезды.

⁵ В настоящее время в основном территория Яньбянь-Корейского автономного округа пров. Цзилинь (吉林省延边朝鲜族自治州).

⁶ В КНР к малым народностям относят этнические группы с численностью населения менее 300 тыс. по стране. К ним отнесены 28 народов, общей численностью бо-

ваю демографические процессы в основном среди «традиционных» для региона тунгусо-маньчжурских народов, а также корейцев и русских. Монгольские народы не являются здесь «чужими», однако абсолютное большинство их проживает во Внутренней Монголии, ведет иной образ жизни и подвержено несколько иным реалиям.

В эпоху Цин территория Маньчжурии представляла собой «заповедную» территорию, на которой запрещалось селиться ханьцам, так как регион относился к домениальным владениям новой маньчжурской династии, представители которой в XVII — начале XVIII вв. опасались потерять контроль над Китаем и рассматривали возможность возвращения на «малую родину». Конечно, запрет нередко обходился китайскими крестьянами, которые по меньшей мере с XVI в. переселялись на юг современной провинции Ляонин, а в цинское время проникли и в регион современной Цзилини. Тем не менее, население региона до последней трети XIX в. оставалось в основном неханьским. Однако у нас нет сколько-нибудь точных данных по численности различных этнических групп, проживавших здесь до XX в., так как учет населения велся нерегулярно и охватывал не весь исследуемый ареал.

В середине XIX в. Китай столкнулся с катастрофой Опиумных войн, превратившись в полуколонию западных держав, что сказалось и на истории рассматриваемого региона. Цинские власти, боясь усиления России на севере, в 1878 г. отменили запреты на переселение ханьцев в Маньчжурию, что привело к существенному изменению этнического состава населения: коренные народы постепенно превратились в национальное меньшинство [16, с. 51–92; 17, с. 122–130 и сл.; 18]. Если к 1842 г. здесь проживало около 1665,5 млн чел, то к началу XX в. — около 12 млн чел. [19, с. 214–215]. В первой половине XX в., в связи с острым политическим кризисом в стране, вызванным Синьхайской революцией (октябрь 1911 г.), обследования населения не проводились. В период марионеточного Маньчжоу-го на территории империи в 1940 г. проживало 43,233 млн чел,

лее 1,7 млн чел.: лоба, гаошань, хэчжэ, татары, дулун, ороchоны, мэньба, узбеки, юйгу, русские, баоань, деан, цзино, цзин, ну, эвенки, пуми, ачан, таджики, булан, салары, маонань, цзинпо, дауры, киргизы, сибо, мулао, ту. 关于印发扶持人口较少民族发展规划2011–2015年的通知. 民委发 [2011] 70号= [Уведомление об издании «Плана поддержки развития малых народов на 2011 — 2015» / Госкомнаца от [20 июня] 2011 г. № 70. URL: https://www.gov.cn/gzdt/2011-07/01/content_1897797.htm (дата обращения 17.07.2024). Динамику численности всех национальностей КНР с 1953 по 2020 гг. можно посмотреть здесь: [15].

однако имеющиеся материалы не содержат сводных данных по этническому составу [20, р. 255]. Тем не менее, есть разрозненные сведения об отдельных народах региона. Например, численность корейцев постоянно возрастала: в 1910 г. их было около 260 тыс. чел., в 1944 г. уже 1 658,5 тыс. чел., что было вызвано насильственным переселением корейцев японцами после 1910 г. [21, с. 270 и сл.]

С образованием КНР (1.10.1949 г.) в Новом Китае на регулярной основе начали проводить переписи населения, учитывающие не только общую численность и его экономическую роль, но и прочие социальные характеристики, включая этнический статус [15]. В 1953 г. состоялась Первая всекитайская перепись населения, а в 2020 г. Седьмая, последняя на сегодняшний день. Данные регулярного учета населения позволяют продемонстрировать динамику численности неханьцев в регионе, выявить их долю в населении провинций СВК (см. табл. 1 и рис. 1).

Согласно данным рис. 1, доля неханьцев в населении региона с 1953 г. существенно менялась. Аномальным выглядит отрезок с 1953 по 1982 гг., демонстрирующий резкое падение числа национальных меньшинств СВК, а затем стремительный их рост. Так, с 1953 по 1982 гг. в Хэйлунцзяне доля малых народов сократилась с 7,98 до 4,94 % (при общем росте их численности с 944,32 до 1 613,04 тыс. чел), в Цзилини с 10,67 до 8,11 % (при увеличении числа с 1 193,23 до 1 829,55), в Ляонине же изменения носили зигзагообразный характер: в 1953 г. доля неханьцев составила 8,07 %, в 1964 —

4,66 %, а в 1982 г. — 8,15 % (1 482,61, 1 858,90 и 2 909,61 тыс. чел соответственно). Такая ситуация сложилась, во-первых, из-за ускоренного роста численности ханьского населения региона (в т.ч. в результате миграции, так как СВК в тот период являлся одним из крупнейших индустриальных центров КНР), во-вторых, во многом ввиду деструктивного характера национальной политики, что выразилось в сокрытии своей этнической идентификации представителями малых национальностей (это особенно заметно при изучении динамики численности с 1982 по 1990 гг., когда этнополитика страны вошла в конструктивное русло, что нашло отражение в чрезмерно высоких показателях роста населения некоторых национальных меньшинств).

С 1990-х гг. процент неханьцев в населении СВК стабилизировался, их численность в Хэйлунцзяне и Цзилини в тот же период достигла максимума (1 997,93 и 2 525,21 тыс. чел. соответственно), а в Ляонине продолжала расти до 2000 г., когда достигла показателя в 6 718,33 тыс. чел. (при 6 165,50 тыс. чел в 1990 г.). С начала XXI в. общая численность неханьцев СВК постоянно снижалась, относительная же численность развивалась зигзагообразно только в провинции Цзилинь. Депопуляция стала наиболее интересной характеристикой развития населения по переписи 2020 г. Исследование показало повсеместное сокращение численности ханьцев и неханьцев в провинциях СВК: в Хэйлунцзяне численность первых составила 30 728,61 тыс. чел (снижение на 16,81 % к 2010 г., или на 6 210,56 тыс. чел), вторых — 1 121,47 тыс. чел (3,52 % населения, сокращение на 253,33 тыс. чел

Таблица 1

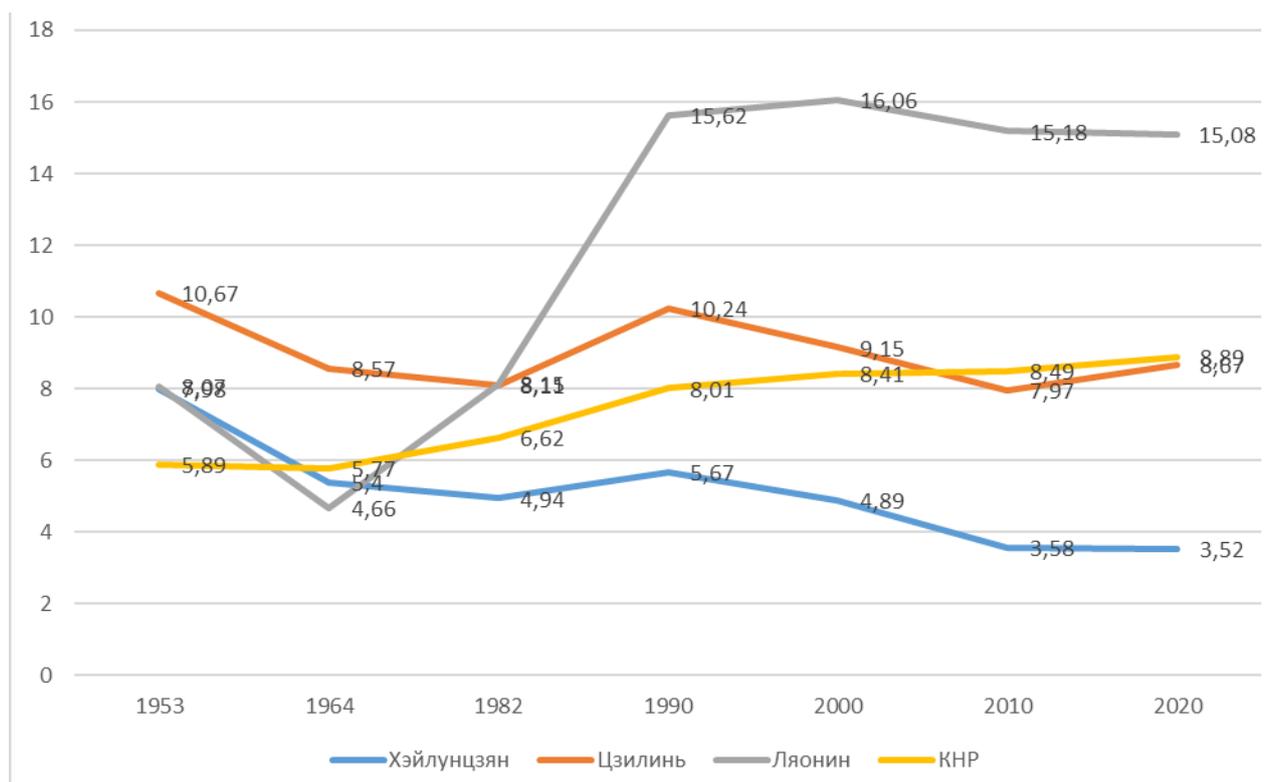
Размещение неханьских национальностей СВК порегионам КНР в 2020 г., чел.

Регион	Маньчжуры	Сибо	Орочоны	Эвенки	Хэжэ	Корейцы	Монголы	Дауры	Русские
Пекин	469 995	4 277	247	727	295	32 984	123 340	3 519	584
Хэбэй	2 269 227	1 348	185	452	98	16 184	226 047	2 104	198
АРВМ*	469 734	3 387	4 219	27 958	39	18 216	4 247 815	73 523	4 633
Ляонин	5 085 984	127 561	296	688	196	229 158	677 760	3 240	263
Цзилинь	831 418	4 238	161	230	266	940 165	169 449	1 207	104
Хэйлунцзян	583 807	6 259	3 236	2 560	3 805	270 123	112 210	33 670	334
Шанхай	43 197	1 181	81	126	50	25 404	21 097	879	286
Шаньдун	79 806	1 074	180	414	84	62 737	37 654	2 115	186
Гуандун	66 722	1 607	59	215	119	30 666	34 319	1 038	277
СУАР	20 915	34 105	11	36	10	1 137	169 143	5 447	8 024

Примечание:

* Автономный Район Внутренняя Монголия.

Источник: 中国人口普查年鉴2020 [Ежегодник переписи населения КНР 2020]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/krpc/7rp/zk/indexch.htm>.

Доля неханьских национальностей в общей численности населения трех северо-восточных провинций КНР по данным переписей (1953–2020 гг.), в %

Источник: 2011中国民族统计年鉴. 北京: 民族出版社, 2011. [Статистический ежегодник национальностей Китая — 2011. Пекин: Изд-во этнологической лит., 2011. С. 478–480]; 辽宁省第七次全国人口普查公报 [Коммюнике седьмой национальной переписи населения провинции Ляонин]. URL: <https://tj.ln.gov.cn/tjj/tjxx/tjgb/rkpcgb/C58140EFCB544341BB CFF8263718CD93/index.shtml>; 吉林省第七次全国人口普查公报 [Коммюнике седьмой национальной переписи населения провинции Цзилинь]. URL: http://xxgk.jl.gov.cn/zsjg/tjj/xxgkmlqy/202211/t20221125_8637625.html; 2020年黑龙江省第七次全国人口普查主要数据公报 [Коммюнике седьмой национальной переписи населения провинции Хэйлунцзян в 2020 г.]. URL: https://tj.hl.gov.cn/tjj/c106780/202105/c00_30325030.shtml; [15, с. 89].

или 18,43%). В Цзилини на 21 985,83 тыс. ханьцев (снижение на 12,99 % или на 3 281,27 тыс. чел) приходилось 2087,61 неханьцев (снижение на 4,49 % или на 98,09 тыс. чел). В Ляонине в 2020 г. насчитывалось 36 169,61 тыс. ханьцев (сокращение на 933,55 тыс. чел, при относительном росте доли их численности в общем населении к 2010 г. на 0,11%) и 6 421,79 тыс. неханьцев (уменьшение на 221,35 тыс. чел, или 0,10 %)⁷.

Приведенные данные показывают, что с наступлением XXI в. в регионе (как и в КНР в целом) произошли глубокие, принципиальные

трансформации демографического поведения населения, которые были вызваны действием нескольких факторов. Во-первых, это жесткая политика однодетности, оформившаяся к началу 1980-х гг. Если для сельского населения (как, впрочем, и для неханьцев) она предполагала некоторые послабления в виде вторых (а в некоторых случаях и более) родов, то горожане (как ханьцы, так и зачастую неханьцы) этих преференций были лишены. Во-вторых, это стремительная урбанизация, последовавшая за политикой реформ и открытости. Потомки переехавших в города селян в настоящее время, т.е. уже после отмены политики однодетности, не хотят рожать вторых и последующих детей⁸.

⁷ Рассчитано на основе: 辽宁省第七次全国人口普查公报 [Коммюнике седьмой национальной переписи населения провинции Ляонин]. URL: <https://tj.ln.gov.cn/tjj/tjxx/tjgb/rkpcgb/C58140EFCB544341BB CFF8263718CD93/index.shtml>; 吉林省第七次全国人口普查公报 [Коммюнике седьмой национальной переписи населения провинции Цзилинь]. URL: http://xxgk.jl.gov.cn/zsjg/tjj/xxgkmlqy/202211/t20221125_8637625.html; 2020年黑龙江省第七次全国人口普查主要数据公报 [Коммюнике седьмой национальной переписи населения провинции Хэйлунцзян в 2020 г.]. URL: https://tj.hl.gov.cn/tjj/c106780/202105/c00_30325030.shtml.

⁸ Политика однодетности стала отменяться после 2013 г., когда стало разрешено семьям, где хотя бы один из супругов являлся единственным ребенком, рожать второго. В 2015 г. согласно поправкам в Закон о народонаселении и планировании рождаемости, норма двухдетности была распространена на все население. А в 2021 г. в упомянутый закон была внесена поправка, позволяющая иметь и третьего ребенка [15; 22].

Применительно к северо-восточному региону в целом значим социально-экономический фактор, приводящий к оттоку местного населения в другие провинции КНР.

Региональная политика народонаселения и неханьцы

Традиционно в Китае придерживались про-наталистских взглядов на народонаселение, так как от его роста зависела наполняемость казны, комплектование армии, проведение общественных работ: от строительства местных дорог до Великого канала и Стены. Однако вторая половина XX в. показала, что неконтролируемый рост населения несет и многочисленные риски для социально-экономической стабильности, поэтому еще с середины 1950-х гг. власти КНР приступили к осуществлению осторожных шагов в сторону контроля за рождаемостью. С 1971 г. политика регулирования рождаемости начинает институционально утверждаться, а с 1978 г. был взят курс на однодетность, от последовательного претворения которого, по мнению партийно-государственного руководства, во многом зависел успех политики реформ и открытости⁹. Неханьские народы в 1970-е не подпадали под различные параметры ограничения деторождения и лишь с принятием в 1982 г. Конституции КНР необходимость «планировать рождаемость» была распространена на малые народы [15, с. 90–94]. В целом, история политики народонаселения хорошо известна, поэтому рассмотрим следующий вопрос: как регулировалась политика народонаселения применительно к неханьцам в северо-восточных провинциях КНР.

После выхода Документа ЦК КПК №7 (13.04.1984) формулирование конкретных норм ограничения рождаемости были переданы региональным законодателям (общегосударственный закон впервые выйдет лишь в 2001 г.). В целом, региональные законы повторяли основные положения Документа № 7, однако в них учитывалась местная специфика.

В провинции Ляонин в положении 1988 г. (и редакции 1997 г.) определено, что второго ребенка могли иметь пары, в которых оба супруга являлись неханьцами, проживающими на селе (ст. 8, п. 7) или же один из супругов относился к малочисленным народам из малонаселенных

⁹ 控制人口增长是现代化建设的重大战略问题 [Контроль за ростом населения является важнейшей стратегической задачей модернизации] // 人民日报 [Жэньминь жибао]. 1982. 14 марта. С. 1. URL: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1982-03-14-1#591081>.

районов (п.9)¹⁰. Редакция документа 2003 г. вменяла в обязанность «народным правительствам на различных уровнях ... оказывать ключевую поддержку в работе в области народонаселения и планирования рождаемости в бедных районах и территориях проживания национальных меньшинств»¹¹ (ст. 9). Данное установление закреплено во всех последующих редакциях регионального закона. После 2015 г. статьи, касающиеся преференций для неханьцев исчезли из соответствующего законодательства провинции Ляонин¹².

В Цилини в отношении семей неханьцев действовали более мягкие условия, повторяющие установления Документа № 7. 11 сентября 1993 г. было принято «Положение о планировании рождаемости провинции Цилинь», в котором устанавливалась право пары, состоящей из неханьцев, чья численность в КНР менее 10 млн чел, иметь двух детей (ст. 18, п.4). Последующие редакции лишь повторяли эту норму¹³. Важные изменения были внесены в редакцию регионального закона от 30 марта 2016 г. Всем семьям, проживающим в провинции, было рекомендовано иметь двух детей, но в ряде случаев допускалось рождение третьего: в частности, для семей, имеющих регистрацию и проживающих «в приграничных уездах (городах и районах)» (ст. 29, п. 4)¹⁴. В данной норме не указана национальная принадлежность граждан, на которых она распространялась, однако значи-

¹⁰ Политика однодетности стала отменяться после 2013 г., когда стало разрешено семьям, где хотя бы один из супругов являлся единственным ребенком, рожать второго. В 2015 г. согласно поправкам в Закон о народонаселении и планировании рождаемости, норма двухдетности была распространена на все население. А в 2021 г. в упомянутый закон была внесена поправка, позволяющая иметь и третьего ребенка [15; 22].

¹¹ 控制人口增长是现代化建设的重大战略问题 [Контроль за ростом населения является важнейшей стратегической задачей модернизации] // 人民日报 [Жэньминь жибао]. 1982. 14 марта. С. 1. URL: <https://www.laoziliao.net/rmrb/1982-03-14-1#591081>.

¹² 辽宁省计划生育条例 (1988) [Положение о планировании рождаемости провинции Ляонин (1988)]. URL: <https://www.docin.com/p-1556548108.html>.

¹³ 辽宁省人口与计划生育条例 (2003) [Положение о народонаселении и планировании рождаемости провинции Ляонин (2003)]. URL: https://wenku.baidu.com/view/60dc3b656037ee06eff9aef8941ea76e59fa4a27.html?_wks_=1727949651854&bdQuery=%E8%BE%BD%E5%AE%81%E7%9C%81%E8%AE%A1%E5%88%92%E7%94%9F%E8%82%B2%E6%9D%A1%E4%BE%8B2003&needWelcomeRecommand=1.

¹⁴ 辽宁省人口与计划生育条例 (2021) [Положение о народонаселении и планировании рождаемости провинции Ляонин (2021)]. URL: https://wjw.shenyang.gov.cn/zwgk/fdzdgnr/rkcyjtfz/202208/t20220803_3794939.html.

тельная часть приграничной полосы провинции населена неханьцами, в частности, корейцами. И, наконец, 28 сентября 2021 г. были приняты последние на сегодняшний день поправки в рассматриваемый документ. Теперь, проживающие в приграничных уездах зарегистрированные семьи имеют право родить четвертого ребенка¹⁵.

На субпровинциальном уровне, в Яньбянь-Корейском автономном округе провинции Цзилинь, также принимались установления окружного уровня. Депопуляция титульной национальности Яньбяня была зафиксирована еще в 1996 г., а масштаб сокращения рождаемости здесь составил более 68 % с 1990 по 2008 гг. [12, с. 56–57]. В связи с этим, руководство автономного округа с 2011 г. начало осуществлять политику поощрения рождаемости, предоставлять дополнительный отпуск по беременности и родам, единоразовые пособия для выходящих на пенсию жителей корейской национальности¹⁶. В 2012 г. предпринималась попытка внедрить политику трехдетности среди корейцев автономного округа [21, с. 275], однако вышестоящие власти тогда не позволили осуществить эту норму¹⁷.

В самой северо-восточной провинции КНР — Хэйлуцзяне региональное законодательство было несколько более адресно относительно преференциального режима для неханьцев. 21 мая 1994 г. на сессии Собрания народных представителей региона было принято «Положение о планировании рождаемости провинции Хэйлуцзян». Статья 7 п. 5 закрепляла право на рождение второго ребенка семьям неханьцев, чья численность в стране была меньше 10 млн чел, а также ороочонам, эвенкам, хэчжэ, даурам и киргизам региона. Статья 11 установления позволяла иметь перечисленным национальностям третьего ребенка с разрешения властей и с интервалом в четыре года после по-

явления в семье второго¹⁸. В редакции 2016 г. документ дополняется: теперь к списку особо оговоренных национальностей, которым позволено иметь троих детей, добавлены сибо и русские-элосыцзу (ст. 13), а ст. 12 позволяет родить третьего ребенка семьям, проживающим в приграничных территориях¹⁹. Аналогичные нормы повторены в редакции 2018 г.²⁰ С 2021 г. отдельный преференциальный режим для неханьцев в законодательстве не обозначался, однако ст. 12 п. 1 Положения позволяет родить четвертого ребенка семьям, проживающим на приграничных территориях²¹.

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. в провинциях СВК были предприняты меры по контролю за рождаемостью, которые в целом были согласованы с общенациональными нормами. Наиболее жесткие меры предпринимались властями провинции Ляонин, где преференции носили довольно ограниченный характер (под них подпадали главным образом проживающие на селе неханьцы). В Цзилини фактически все национальные меньшинства (за исключением сравнительно многочисленной группы маньчжуров (см. табл. 2)) могли иметь двух детей. В Хэйлуцзяне в целом действовали те же нормы, что и в Цзилини, однако представителям малочисленных народов (недолгое время особо отмечались и русские-элосыцзу) разрешалось иметь трех детей. Несмотря на преференции, материалы переписей не фиксируют значимого роста численности неханьцев, а среди корейцев в течении нескольких десятилетий фиксируется депопуляция (как на региональном, так и национальном уровнях).

В литературе в качестве одной из причин сокращения населения СВК называется су-

¹⁵ 吉林省计划生育条例 (1993) [Положение о планировании рождаемости провинции Цзилинь (1993)]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%90%89%E6%9E%97%E7%9C%81%E8%AE%A1%E5%88%92%E7%94%9F%E8%82%B2%E6%9D%A1%E4%BE%8B%EF%BC%88%E4%BF%AE%E6%AD%A3%EF%BC%89/18563961>; 吉林省人口与计划生育条例 (2014) [Положение о народонаселении и планировании рождаемости провинции Цзилинь (2014)]. URL: <https://www.chinacourt.org/law/detail/2014/03/id/147688.shtml> (ст. 29, п. 3).

¹⁶ 吉林省人口与计划生育条例 (2016) [Положение о народонаселении и планировании рождаемости провинции Цзилинь (2016)]. URL: <https://m12333.cn/policy/wcdk.html>.

¹⁷ 吉林省人口与计划生育条例 (2021) [Положение о народонаселении и планировании рождаемости провинции Цзилинь (2021)]. URL: <http://jl.people.com.cn/n2/2021/1030/c349771-34981919.html>.

¹⁸ 延边朝鲜族自治州人民政府关于印发延边朝鲜族自治州人口与计划生育若干规定的通知。延州政发[2011]22号 [Уведомление Народного правительства Яньбянь-Корейского автономного округа об издании некоторых постановлений о народонаселении и планировании рождаемости. Документ Народного правительства Яньбяня № 22 от [21 нояб.] 2011]. URL: <https://www.lawlawing.com/community/82411>.

¹⁹ 关于“延边朝鲜族自治州朝鲜族人口发展条例 (草案)”的说明 [Пояснения к проекту «Положения Яньбянь-Корейского автономного округа о развитии корейского населения»]. URL: <http://www.ybrd.gov.cn/rmdbdh/dychy/2015-07-07/172475.html> (см. п. 6 документа).

²⁰ 黑龙江省计划生育条例 (1994) [Положение о планировании рождаемости провинции Хэйлуцзян (1994)]. URL: <https://law.pkulaw.com/chinalaw/16784993.html>.

²¹ 黑龙江省人口与计划生育条例 (2016) [Положение о народонаселении и планировании рождаемости провинции Хэйлуцзян (2016)]. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFY2M2MTi3Nzc5MzAxNjEyODRiYWQzZDBhN2M%3D>.

Таблица 2

Национальный состав КНР по данным переписей населения (1953–2020), чел

Национальность	1953	1964	1982	1990	2000	2010	2020
Монголы 蒙古族	1 451 035	1 965 766	3 411 367	4 802 407	5 813 947	5 981 840	6 290 204
Корейцы 朝鲜族	1 111 275	1 339 569	1 765 204	1 923 361	1 923 842	1 830 929	1 702 479
Маньчжуры 满族	2 399 228	2 695 675	4 304 981	9 846 776	10 682 262	10 387 958	10 423 303
Сибо 锡伯族	19 022	33 438	83 683	172 932	188 824	190 481	191 911
Дауры 达斡尔族	-	63 394	94 126	121 463	132 394	131 992	132 299
Русские 俄罗斯族	22 656	1 326	2 917	13 500	15 609	15 393	16 136
Эвенки 鄂温克族	4 957	9 681	19 398	26 379	30 505	30 875	34 617
Орочоны 鄂伦春族	2 262	2 709	4 103	7 004	8 196	8 659	9 168
Хэчжэ 赫哲族	-	718	1 489	4 254	4 640	5 354	5 373

Источник: 2004中国民族统计年鉴. 北京: 民族出版社, 2004. С.487 – 488; 中国人口普查年鉴2020 [Ежегодник переписи населения КНР 2020]. <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/7rp/zk/indexch.htm>; 中国2010年人口普查资料. 上, 中, 下册. 第一册. 北京: 中国统计出版社 [Материалы всекитайской переписи населения 2010 г. Пекин: Китайская статистическая пресса, 2012. Т. 1. С. 35–54].

женное воспроизводство среди этнических меньшинств, которое обусловлено мерами региональной демографической политики: «только в провинции Цзилинь представителям этнических меньшинств разрешалось иметь двух детей, в то время как в провинциях Ляонин и Хэйлуцзян эти исключения не действовали» [5, с. 241]. Как видно из представленных выше фактов, такой вывод не соответствует действительности. Более того, за исключением Ляонина, доля неханьцев в населении провинций СВК весьма невелика, поэтому вряд ли этнический фактор значим для оценки причин депопуляции в регионе.

Демографические процессы среди неханьцев СВК

Динамика численности населения. За почти 70 лет после проведения Первой переписи населения накопилось достаточно данных, чтобы проанализировать демографические процессы среди неханьцев СВК. Согласно данным табл. 2, отдельные этнические группы демонстрировали отличную друг от друга динамику численности населения. Пожалуй, наиболее интересным представляется случай с корейцами, чей демографический рост сменился заметной депопуляцией. Их население с 1953 по 2000 гг.

Таблица 3

Доля городского и сельского населения среди неханьских национальностей СВК по данным переписей (1990–2020 гг.), в %*

Национальность	1990		2000		2010		2020	
	город	село	город	село	город	село	город	село
КНР в среднем	26,20	73,80	36,92	63,08	50,27	49,73	63,84	36,16
ханьцы	27,06	72,94	38,17	61,83	51,87	48,13	65,27	34,73
корейцы	50,20	49,80	61,98	38,02	69,39	30,61	70,65	29,35
маньчжуры	28,10	71,90	35,25	64,75	43,74	56,26	60,32	39,68
сибо	47,22	52,78	41,44	58,56	52,96	47,04	68,39	31,61
русские	77,30	22,70	81,36	18,64	84,59	15,41	90,59	9,41
эвенки	37,23	62,77	45,73	54,27	54,16	45,84	66,19	33,81
орочоны	40,69	59,31	50,27	49,73	58,81	41,19	75,75	24,25
хэчжэ	56,02	43,98	60,19	39,81	67,71	32,29	76,90	23,10
монголы	24,45	75,55	32,70	67,30	46,19	53,81	60,98	39,02
дауры	57,68	42,32	52,25	47,75	57,58	42,42	69,13	30,87

Примечание:

* В настоящей таблице под городским населением понимаются жители городов (ши, 市) и поселков (чжэнь, 镇), которые в материалах переписей представлены отдельно. Однако в статистических материалах КНР эти категории подпадают под категорию городского населения.

Источник: 中国1990年人口普查资料. 北京: 中国统计出版社 [Материалы всекитайской переписи населения 1990]; 中国2000年人口普查资料. 北京: 中国统计出版社; 中国2010年人口普查资料. 上, 中, 下册. 第一册. 北京: 中国统计出版社, 2012 [Материалы всекитайской переписи населения 2010 г. Пекин: Китайская статистическая пресса, 2012. Т. 1. С. 55–114]; 中国人口普查年鉴2020 [Ежегодник переписи населения КНР 2020]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/7rp/zk/indexch.htm>.

выросло с 1,111 млн чел. до 1,923 млн чел (на 0,812 млн чел.), однако за следующие 10 лет с 1990 по 2000 гг. их численность увеличилась лишь на 481 чел., а за последние 20 лет — сократилась на 221 363 чел. Коэффициент фертильности корейских женщин упал до 0,90 рождений, при средних значениях по стране в 1,29²². Причинами их быстрой депопуляции могли стать несколько факторов: во-первых, раннее (сравнительно с иными народами Китая) завершение демографического перехода (в результате чего предпочтения по рождению второго ребенка становились неактуальными); во-вторых, смена этнической принадлежности детьми из смешанных браков (особенно в процессе миграции родителей в другие регионы страны); в-третьих, эмиграция в Республику Корея и третьи страны [23, р. 19–39].

Тунгусо-маньчжурские народы и русские-элосыцзу столкнулись с менее значимыми изменениями в динамике численности. Эвенки, орочны, хэчжэ и сибо показали рост населения, а параметры популяционной динамики маньчжуров и русских демонстрировали «качели»: с 2000 г. численность маньчжуров сократилась с 10,682 млн чел до 10,378 млн чел (на 294,30 тыс. чел), затем произошло некоторое восстановление до 10,423 млн чел в 2020 г. (–259,95 тыс. чел к 2000 г. и +35,34 тыс. к 2010 г.). Популяция русских в КНР так же сократилась с 2000 по 2010 гг. с 15609 чел до 15393 чел (–216 чел) и выросла в 2020 г. до 16136 чел (+527 чел к 2000 г. и +743 чел к 2010 г.).

Урбанизация. На изменение фертильности существенно влияет тип расселения: рождаемость в сельской местности, как правило, выше в связи особенностями устройства деревенской жизни. Экономическая модернизация КНР с начала 1980-х гг. привела к существенному изменению, как хозяйственного уклада страны, так и к превращению китайского общества по преимуществу в городское. Согласно табл. 3, с 1990 по 2020 г. доля городского населения увеличилась с 26,20 % до 63,84 %. Процесс урбанизации затронул все этнические группы страны, однако распространялся неравномерно.

Как видно из данных таблицы, в 1990 г. высока была доля горожан (свыше 50 %) среди корейцев, русских, хэчжэ и дауров. К 2020 г. все перечисленные неханьские народы стали по

преимуществу горожанами. Лишь около 40 % маньчжуров до сих пор проживает в сельской местности. Следует отметить, что качество урбанизации также неоднородное. Что я имею ввиду? Согласно данным переписи, существенная доля городского населения проживает в малых городах²³ (чжэнь). Так, из 63,84 % городского населения КНР в поселках проживает 23,04 % и лишь 40,80 % в собственно городах. Среди неханьцев СВК высокая доля жителей чжэней среди эвенков (39,43 %), орочнонов (41,45 %), маньчжуров (22,82 %); у остальных национальностей показатель ниже 20 %. Таким образом, до сих пор сравнительно высокая часть неханьцев живет в условиях сельской местности и близкой по ряду характеристик к ней.

Тем не менее, зарегистрированные изменения в типе расселения показывают очень быстрое преобразование образа жизни людей (в пределах одного поколения), что сказывается и на особенностях их воспроизводства. Безусловно, важную роль здесь играет экономический фактор: экономика КНР после 1980 г. претерпела существенную трансформацию, что способствовало завершению демографического перехода, как среди всего населения страны, так и среди неханьских народов. Эти данные свидетельствуют, и о том, что политика предпочтений по размеру семьи у неханьцев не была особенно эффективной и привела лишь к более плавному снижению роста численности их населения.

Заключение

Демографическое развитие неханьцев северо-восточного региона за период от основания КНР претерпело существенные изменения. До начала 1980-х гг. на характер воспроизводства неханьцев оказывала сильное воздействие государственная национальная политика, что нашло отражение в аномальных результатах переписей населения с 1953 по 1982 (и даже 1990 гг.), когда были зарегистрированы флуктуации от значимого сокращения числа неханьцев, до столь же резкого их увеличения. С началом эпохи реформ (после декабря 1978 г.) в стране стал осуществляться жесткий курс на однодетность, однако в отношении национальных меньшинств были введены определенные предпочтения в этом вопросе, которые предоставлялись региональными правительствами.

²² 黑龙江省人口与计划生育条例 (2018) [Положение о народонаселении и планировании рождаемости провинции Хэйлунцзян (2018)]. URL: <https://www.tls.gov.cn/newt/srmzf/c104425/202103/258427.shtml>.

²³ Малым городам или поселками (чжэнь) в КНР в административном плане соответствуют российские ПГТ (поселок городского типа).

Власти провинций СВК допускали возможность рождения вторых и третьих детей в семьях неханьцев, особенно для малочисленных народов. Тем не менее, изменившиеся социально-экономические условия в стране, рост урбанизации, развитие сопутствующей социальной сферы (здравоохранения, системы социального обеспечения), привело к снижению темпов роста неханьского населения, а некоторые из них (в первую очередь корейцы) перешли в стадию

депопуляции. Коэффициенты рождаемости демонстрируют завершение демографического перехода от режима расширенного воспроизводства к суженному среди всех народов КНР, что свидетельствует о малой эффективности предпочтений. Отмена курса на однодетность в 2013 г. фактически никак не повлияла на демографическое развитие китайского общества и фактически отменило политику предпочтений в отношении неханьцев.

Список использованной литературы

1. Веремейчик А.С. Демографическая политика КНР в северо-восточном регионе: отечественная и зарубежная историография / А.С. Веремейчик. — EDN IJVNLR // Общество и государство в Китае. — 2019. — Т. 49, № 3. — С. 37–51.
2. Макеева С.Б. «Большая северная пустошь» (Бэйдахуан) в 1949–1966 гг.: страницы регионально-демографической истории китайской провинции Хэйлуцзян / С.Б. Макеева. — DOI 10.24147/2312-1300.2023.10(2).7-15. — EDN TREMFМ // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. — 2023. — Т. 10, № 2 (38). — С. 7–15.
3. Макеева С.Б. История демографического развития китайской провинции Хэйлуцзян (1970–2020 гг.) / С.Б. Макеева. — DOI 10.18287/2542-0445-2023-29-2-17-23. — EDN FKWIИК // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2023. — Т. 29, № 2. — С. 17–23.
4. Макеева С.Б. Современный опыт реализации региональной демографической политики в китайской провинции Ляонин / С.Б. Макеева. — DOI 10.14530/reg.2024.3.64. — EDN JBDBKX // Регионалистика. — 2024. — Т. 11, № 3. — С. 64–79.
5. Мишук С.Н. Трансформация демографической политики в северо-восточных провинциях на современном этапе / С.Н. Мишук, Ш. Ли, Б. У. — DOI 10.15838/esc.2024.2.92.13. — EDN TQWCTI // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17, № 2. — С. 239–252.
6. Дикарев А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики / А.Д. Дикарев. — Москва : Восточная литература, 1996. — 176 с. — EDN XYBDNB.
7. Веремейчик А.С. Законодательное регулирование демографической политики в Китае (на примере северо-восточного региона) / А.С. Веремейчик // Общество и государство в Китае. — 2013. — Т. 43, № 2. — С. 474–485. — EDN YPPUOR.
8. Scharping Th. Birth Control in China 1949–2000: Population Policy and Demographic Development / Th. Scharping. — London ; New York : Routledge, 2006. — 406 p.
9. Park Chai Bin. A Minority Group and China's One-Child Policy: The Case of the Koreans / Park Chai Bin, Han Jing-Qing. — DOI 10.2307/1966715 // Studies in Family Planning. — 1990. — Vol. 21, no. 3. — P. 161–170.
10. 杨菊华. 中国少数民族人口的生育转变 // 人口与经济. — 2023. — № 3. — С. 35–51. [Ян Цзюхуа. Изменение рождаемости национальных меньшинств КНР / Ян Цзюхуа. — DOI 10.3969/j.issn.1000-4149.2023.00.020 // Народонаселение и экономика. — 2023. — № 3. — С. 35–51.]
11. 路遇. 新中国人口六十年 / 路遇 ; 翟振武主编. — 北京 : 中国人口出版社, 2009. — 1187 页. [Лу Юйя. Народонаселение КНР за 60 лет / Лу Юйя ; под ред. Ди Чжэнью. — Пекин : Изд-во Народонаселение КНР, 2009. — 1187 с.]
12. 朴美兰. 20世界90年代以来延边自治州人口负增长原因探析 // 东疆学刊. — 2010. — Vol. 27, no. 1. — P. 55–63. [Пяо Мэйлань. Анализ причин депопуляции корейцев Яньбяня с 90-х гг. XX в. / Пяо Мэйлань // Восточная граница. — 2010. — Vol. 27, no. 1. — P. 55–63.]
13. 金炳镐, 肖锐. 中国民族政策与朝鲜族. 北京 : 中央民族大学出版社, 2011. — 228 页. [Цзинь Бингао. Национальная политика Китая и корейцы / Цзинь Бингао, Сяо Жуй. — Пекин : Изд-во Центрального ун-та национальностей, 2011. — 228 с.]
14. 刘晓春. 俄罗斯埃文基人与中国鄂温克族人口变迁研究 // 民族学刊. — 2023. — Vol. 14, no. 4. — P. 60–67. [Лю Сяочунь. Исследования изменения численности российский и китайских эвенков / Лю Сяочунь. — DOI 10.3969/j.issn.1674-9391.2023.04.008 // Этнология. — 2023. — Vol. 14, no. 4. — P. 60–67.]
15. Ставров И.В. Развитие демографической политики КПК в отношении малых народов Китая (1949–2021 гг.) / И.В. Ставров. — DOI 10.24412/102688042024384105 // Россия и АТР. — 2024. — № 3. — С. 84–105.

16. Патрушева М.А. Экономическое развитие Маньчжурии (вторая половина XIX — первая треть XX вв.) / М.А. Патрушева, Г.А. Сухачёва. — Москва : Наука, 1985. — 296 с.
17. Урбански С. За степным фронтиром: история российско-китайской границы / С. Урбански ; пер. с англ. М. Закировой. — Москва : НЛО, 2023. — 480 с.
18. Веремейчик А.С. Особенности демографического развития Северо-Восточного Китая (1949–1978 гг.) / А.С. Веремейчик. — EDN OLEFOG // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. — 2012. — № 4. — С. 146–154.
19. Описание Маньчжурии / сост. Д.А. Позднеев. — Санкт-Петербург : Тип. Ю.Н. Эрлих, 1897. — Т. 1. — 625 с.
20. Beal E.G. jr. The 1940 Census of Manchuria / E.G. Beal jr. — DOI 10.2307/2049515 // Far Eastern Quarterly. — 1945. — Vol. 4, no. 3. — P. 243–262.
21. Ставров И.В. Демографическое развитие корейцев КНР / И.В. Ставров. — EDN VZVTFU // Общество и государство в Китае. — 2015. — Т. 45, № 2. — С. 269–280.
22. Scharping Th. Abolishing the One-Child Policy: Stages, Issues and the Political Process / Th. Scharping. — DOI 10.1080/10670564.2018.1542217 // Journal of Contemporary China. — 2019. — Vol. 28, iss. 117. — P. 327–347.
23. Kim Hyejin. International Ethnic Networks and Intra-Ethnic Conflict: Koreans in China / Kim Hyejin. — New York : Palgrave Macmillan, 2010. — 198 p.

References

1. Veremeichik A.S. China's Demographic Policy in the North-Eastern Region: Russian and Foreign Historiography. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and State in China*, 2019, vol. 49, no. 3, pp. 37–51. (In Russian). EDN: IJVNLR.
2. Makeeva S.B. “The Great Northern Wasteland” (Beidahuang) in 1949–1966: Pages of the Regional and Demographic History of the Chinese Province of Heilongjiang. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki = Herald of Omsk University. Series: Historical Studies*, 2023, vol. 10, no. 2, pp. 7–15. (In Russian). EDN: TREMF. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(2).7-15.
3. Makeeva S.B. History of Demographic Development of the Chinese Province of Heilongjiang (1970–2020). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 17–23. (In Russian). EDN: FKWIK. DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-2-17-23.
4. Makeeva S.B. Modern Experience of Implementation of Regional Demographic Policy in the China Liaoning Province. *Regionalistica = Regionalistics*, 2024, vol. 11, no. 3, pp. 64–79. (In Russian). EDN: JBDBKX. DOI: 10.14530/reg.2024.3.64.
5. Mishchuk S.N., Li Sh., Wu B. Demographic Policy Transformation in the Northeastern Provinces of China at the Present Stage. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2024, vol. 17, no. 2, pp. 239–252. (In Russian). EDN: TQWCTI. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.13.
6. Dikarev A.D. *Demographic Problems of National Minorities of the People's Republic of China*. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1996. 176 p. EDN: XYBDNB.
7. Veremeichik A.S. Legislative Regulation of Demographic Policy in China (Using the Example of the Northeastern Region). *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and State in China*, 2013, vol. 43, no. 2, pp. 474–485. (In Russian). EDN: YPPUOR.
8. Scharping Th. *Birth Control in China 1949–2000: Population policy and Demographic Development*. London, New York, Routledge, 2006. 406 p.
9. Park Chai Bin, Han Jing-Qing. A Minority Group and China's One-Child Policy: The Case of the Koreans. *Studies in Family Planning*, 1990, vol. 21, no. 3, pp. 161–170. DOI: 10.2307/1966715.
10. Yang Juhua. *Change in the Birth Rate of National Minorities of the PRC. Rénkǒu yǔ jīngjì = Population and Economy*, 2023, no. 3, pp. 35–51. (In Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1000-4149.2023.00.020.
11. Lu Yu; Zhai Zhenwu (ed.). *Population of the PRC for 60 Years*. Beijing, China Population Press, 2009. 1187 p.
12. Park Meilan. Analysis of the Causes of Depopulation of Yanbian Koreans Since the 90s. 20th Century. *Dōng jiāng xué kān = Eastern Frontier*, 2010, vol. 27, no. 1, pp. 55–63. (In Chinese).
13. Jin Binghao, Xiao Rui. *China's National Politics and Koreans*. Beijing, Minzu University of China Press, 2011. 228 p.
14. Liu Xiaochun. Study of Changes in the Number of Russian and Chinese Evenks. *Mínzú xué kān = Journal of Ethnology*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 60–67. (In Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1674-9391.2023.04.008.

15. Stavrov I.V. The Development of the CCP's Demographic Policy toward China's Ethnic Minorities (1949–2021). *Rossiia i ATR = Russia and the Pacific*, 2024, no. 3, pp. 84–105. (In Russian). DOI: 10.24412/102688042024384105.
16. Patrusheva M.A., Sukhacheva G.A. *Economic Development of Manchuria (Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 296 p.).
17. Urbansky S. *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Princeton, Princeton University Press, 2020. 392 p. (Russ. ed.: Urbansky S. *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Moscow, NLO Publ., 2023. 480 p.).
18. Veremeychik A.S. Features of Demographic Development in the Northeast China (1949–1978). *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN = Vestnik of the Far East Branch*, 2012, no. 4, pp. 146–154. (In Russian). EDN: OLEFOG.
19. Pozdnev D.A. *Description of Manchuria*. Saint Petersburg, Yu.N. Ehrlikh Publ., 1897. Vol. 1. 625 p.
20. Beal E.G. jr. The 1940 Census of Manchuria. *Far Eastern Quarterly*, 1945, vol. 4, no. 3, pp. 243–262. DOI: 10.2307/2049515.
21. Stavrov I.V. The Demographic Development of Koreans Minority in PRC. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and State in China*, 2015, vol. 45, no. 2, pp. 269–280. (In Russian). EDN: VZVTFU.
22. Scharping Th. Abolishing the One-Child Policy: Stages, Issues and the Political Process. *Journal of Contemporary China*, 2019, vol. 28, iss. 117, pp. 327–347. DOI: 10.1080/10670564.2018.1542217.
23. Kim Hyejin. *International Ethnic Networks and Intra-Ethnic Conflict: Koreans in China*. New York, Palgrave Macmillan, 2010. 198 p.

Информация об авторе

Ставров Иван Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел китайских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация, stavivan@yandex.ru.

作者信息

Ivan V. Stavrov — 历史学副教授, 研究员, 中国研究室, 俄罗斯科学院远东分院历史考古和民族学研究所, 符拉迪沃斯托克, 俄罗斯联邦, stavivan@yandex.ru.

Author

Ivan V. Stavrov — PhD in History, Senior Research Fellow, Department of Sinology Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, stavivan@yandex.ru.

Для цитирования

Ставров И.В. Демографическое развитие малых народов Северо-Восточного Китая на рубеже XX–XXI вв. / И.В. Ставров. — DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(4).332-344. — EDN OIWDUC // Российско-китайские исследования. — 2024. — Т. 8, № 4. — С. 332–344.

For Citation

Stavrov I.V. Demographic Development of Ethnic Minorities of Northeast China at the Turn of the 20th – 21st Centuries. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 332–344. (In Russian). EDN: OIWDUC. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(4).332-344.